

ПЕЛЕВИНА КАТЕРИНА

СКЛАД

Пелевина Катерина

Склад

<https://litres.ru/74221457>

Аннотация

Мой одноклассник – социопат выкрал меня с танцев поздно вечером и отвёз на заброшенный склад куда-то далеко от города... Я в западне. Бежать некуда. У меня связаны руки и на мне минимум одежды. А всё потому что я отказала ему в повторном свидании...

История Ильдара Вознесенского и Катерины Демьяновой♥#
Девочки! Предупреждение! Тут много секса, насилия, принуждения! Пожалуйста, не читайте, если не готовы к такому! Чтобы потом не называть героиню терпилой, а героя отбитым психопатом) Он такой и есть! У него проблемы с психикой! А ещё тут много мата! Будьте готовы, чтобы тоже потом не ахать и не возмущаться о том, как такая похабщина вылетает из уст женщины!

#герой неадекватный, #сталкер, #стокгольмский синдром, #первая любовь, #дикая страсть и созависимость, #принуждение, #потеря девственности, #хэппиэнд

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	7
Глава 3.	10
Глава 4.	17
Глава 5.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Глава 1.

Ильдар Вознесенский

– Ильдар, что ты помнишь о своей матери? – задаёт свой вопрос Ильинична, пристально глядя на меня. Меня водят к ней уже год. Безрезультатно.

Что я помню?

Ничего...

Запах. Возможно... И кожу. Мягкую кожу, что касалась моего лица.

Крики. И боль.

Странное воспоминание.

Впрочем, как и многие другие.

– Пусто, – одним словом.

– Что ж, печально. А что насчёт отца? – задаёт она новый идиотский вопрос.

– Отца? Его сложно забыть. Хоть я и пытаюсь, – отвечаю я ей, и она смотрит на меня с ебучей жалостью.

Ну, уж нет.

Вот что-что, а жалеть меня, нахер, не надо.

– Я понимаю, тяжело, когда сваливается такая ответственность. Наверное, он многого требует?

Если бы мой взгляд мог убивать, она была бы уже окочевшим трупом.

И всё, что меня отвлекает это то, что я видел Катерину

перед тем как зайти сюда.

Пора включать внутреннего бунтаря. А точнее – выключать ебучую мямлю.

У меня все мысли о ней. И каждая действует на меня особенно... Я уже всё для себя решил. Не знаю даже, зачем снова пришёл сюда.

План уже внутри, и я не собираюсь сворачивать с наметенной траектории.

Но как только вспоминаю эти её огромные глаза, полные сомнения. Как две чёрные дыры в пространстве и времени.

Я снова улетаю куда-то, не отвечаю на вопросы психолога.

Просто потому что я не здесь, не в этом кабинете.

Я где-то, где моя жизнь лучше этого, выше этого.

Где имеет значение только она...

Кажется, меня скоро заставят пить антидепрессанты.

– Ильдар, ты меняешься, когда мы говорим о родителях. Это больная для тебя тема? Откройся мне, иногда важно иметь кого-то рядом, кого-то, кто на твоей стороне.

Это она что ли на моей стороне?

Она вообще знает, что такое жить как растение?

Когда всем вокруг насрать на твоё существование.

Когда родился вопреки тому, что был не нужен.

С-с-сука...

Щелчок.

Что в голове у людей, которые занимаются психами, вроде меня?

Её вены пульсируют, я слышу, как тревожно колотится её сердце. И словно ощущаю, как кожа выделяет запах страха и волнения. От моего взгляда Ильинична даже теряется.

Мне кажется, порой я выгляжу, как дикое животное. Во всяком случае, Катерина порой смотрит на меня именно так...

А быть может, я всегда так себя ощущал.

Как сраный пёс у неё на поводке.

– Как сейчас обстоят дела в кафе? Работа приносит облегчение? – спрашивает она вдогонку.

– Немного, – нагло вру я.

– Хотела бы я сейчас выпить кофе, латте с шоколадной стружкой и кокосом, – говорит она не своим голосом и выглядит как язвительное чудовище.

– Что?! – я в мгновение испуганно вздрагиваю, словно кто-то проникает внутрь моей души, как тёмная субстанция. Меня на месте подбрасывает, потому что такой кофе у меня просила только она...

– Ну, я про кофе, хочу выпить крепкий эспрессо, знаешь, это всегда приносит мне душевный комфорт, – объясняет она следом.

И я понимаю, что приплыл... Мне уже мерещится то, чего нет... Слышится...

Я хочу, чтобы она вылезла из моей головы, но всё становится только хуже...

В меня будто заливают кипящую сталь...

Глава 2.

Катерина Демьянова

– Он снова смотрит... Капец он странный...

– Странный? Скорее шизанутый, – поправляет меня подруга, пока я поглядываю назад на своего одноклассника... Ильдара Вознесенского.

– Не без этого, похоже... Мне жутко смотреть в его сторону...

– А ты не смотри, Кать... Ну его нафиг.

И вроде она права. Нафиг его... Только он-то продолжает на меня смотреть...

Я понимаю, что отказала ему пойти на мероприятие, но это слишком. Кроме того, это было полгода назад... Я что виновата, что он мне не нравится? В смысле... Не то, чтобы совсем не нравится... Просто у меня от него колючие мурашки на теле.

С тех пор, как произошёл наш последний разговор, он вообще ко мне не подходит... И я боюсь идти на контакт... Мы особенно никогда не ругались. Я просто не обращала на него внимания в том смысле, в котором хотел он.

Порой мы с девочками заходили в кафе недалеко от университета... Он там работал... И снова смотрел... И да, бывало, что я могла улыбнуться ему... Или... Пофлиртовать.

И не хочу лгать... Однажды мы сходили в кино... И по-

целовались...

Но это же нормальная реакция на симпатичного парня, верно? Я не обязана после этого встречаться с ним... Он дико странный... Как раз это меня от него и оттолкнуло.

– Пойдём скорее отсюда, – зову я подругу, поёжившись, когда кончается пара... Мне даже тяжело сидеть на них... Будто по затылку всё время бьёт его агрессивный взгляд. Чувствую себя под прицелом.

Машка хватает меня под руку и тащит из аудитории.

– Не обращай внимания. Перебесится... Парни все такие странные...

– Нет, Маш... Он... Какой-то... Другой.

– Другой? В смысле?

– Не знаю... Какой-то... Ай, забей, – отмахиваюсь я, не желая приписывать ему диагнозы... Но вижу ведь, что он не от мира сего...

Будто заиклился на мне...

Кое-как мне удаётся досидеть до конца пар, и я тут же бегу на танцы... Тренировки у меня проходят в дворце юношеского творчества с 20:00 до 21:00. Обычно я сажусь в свою машину и спокойно еду домой...

Но в этот раз... Всё резко сменяется...

Я не контролирую происходящее... Будто кто-то подставил что-то к носу... И я отключаюсь...

Открываю глаза уже где-то не там... От жуткой головной боли...

Он стоит передо мной жестокий и сумасшедший, напоминающий мне о том, как я облажалась.

Мои руки и ноги связаны, я смотрю на него через прутья какой-то маленькой клетки.

В моих мыслях хаос, и мне хочется иметь при себе голову профессора Доуля, чтобы она думала за меня.

Я предполагала, что он псих, но не думала, что настолько...

Чёртова марионетка, возомнившая себя властелином. Он ещё и передел меня в какую-то шёлковую развратную ткань... Господи.

Сердце в груди носится как сумасшедшее... Что он собирается со мной делать? Где мы? И как мне выйти отсюда живой?

Глава 3.

Ильдар Вознесенский

Полгода после того, как она меня отшила... Я искал в себе силы, чтобы жить дальше. Впал в ещё большую депрессию... С учётом того, как мне хреново жилось с отцом, это не было проблемой... Всё навалилось как снежный ком...

Я ненавидел её, заливая эту ненависть стаканами дешёвого пойла. Я прожил в таком режиме некоторое время, вспоминая запах её волос, как собственный антибиотик, что лечил меня изнутри. Постоянно думал о том, что у неё кто-то есть...

Но однажды, спустя месяц я решил проследить за ней. Хрен знает, что ударило в мою воспалённую голову. И, увидев их счастливые гримасы, меня поразила шаровая молния. Руки, объятия, взгляды. Она смотрела на него так, как никогда бы не взглянула на меня. Он толкал язык в её рот, а мне хотелось лишь вырезать его с корнем, заливая его глотку багровой субстанцией.

Долгое время я наблюдал за ним... И понял, что она у него далеко не одна такая... Только он так и не признался ей в этом, судя по тому, что они всё время ходили за руки и лапали друг друга. Ведь для того чтобы сделать выбор нужны яйца.

И именно тут начался мой план... Душащий, уничтожаю-

щий, разбивающий меня на части. Я сотни раз представлял во снах как они трахаются, тысячи раз снимал её с него прямо за её блядскую копну волос, сходил с ума, мечтая вырвать её сердце у него на глазах и заставить его жить с этим.

Сначала я анонимно слил фотки его измен... И не только ей. Прилюдно. В универе... Естественно, она сразу с ним рассталась. Рыдала даже... Как вспомню, аж тошно.

Зато я копил деньги, ходил по магазинам, закупался, приценивался. Готовил место для нас с ней... Долго... Очень скрупулёзно ко всему относился...

Купил ей строгий ошейник. И одну из самых блядских сорочек, что видел за всю свою жизнь. Приготовил верёвку, представляя, как её тело кровоточит от жалких трений подо мной. Меня мучает вопрос, раздвигала ли она перед ним свои ноги, позволяла ли душить себя и тряслась ли, содрогаясь и кончая под ним. Или мне всё это мерещилось...

Даже под хлороформом её тело реагирует на мои прикосновения.

И я просто, нахрен, не могу не прикоснуться к её затвердевшим соскам, пока переодеваю её. Остальное меня не интересует, мне нужно, чтобы она всё чувствовала и сопротивлялась, чтобы кричала, как конченная, полоумная сука. Я даже готов развязать её, ведь я один хрен сильнее.

Блядь, почему она такая красивая даже когда без сознания, даже когда обездвижено лежит передо мной. Эти её бледно-розовые соски. Кажется, я окончательно свихнулся

от власти этого существа надо мной. В моих штанах становится пиздецки тесно только от одного представления своих пальцев в её рту, это ненормально. Ненормально. **НЕНОРМАЛЬНО.**

Я сотни раз представлял, что трахаю её, пока подо мной лежали какие-то подстилки, которых я совершенно просто снимал в каком-нибудь баре. И только глядя на неё, я уже готов кончить в штаны от одного вида её груди. Что за Иуда живёт в моём теле? Почему я так привязан? Так паталогически зависим от этого...

Мне не терпится увидеть лицо этой шлюхи, когда она будет оправдываться передо мной. Когда будет притворяться и молить, чтобы я отпустил её...

Пожалуй, я сниму всё на видеокамеру.

Интересно, она такая же холодная внутри... Насколько она узкая, тугая и бесчувственная.

Я не остановлюсь даже, если удавка на моей шее затянется ещё сильнее.

– Собачья шлейка, вот что я надену на тебя, сучка, – грязь, что вылетает из моего рта пугает меня самого. Я никогда таким не был... Точнее, может, и был... Порой думаю, что копирую отца, когда она напивался и лупил меня... Веду себя почти так же...

Представляю её жалкие угрозы и оскорбления в мой адрес. И это не на шутку щекочет мои нервы...

Всё нужно было покупать частями, чтобы никто и ничего

не заподозрил. А покупал я всякую хрень... Даже генератор приобрёл... Ведь склад, на который я её везу был без света... Пришлось проводить... Подключать его. Я даже наполнил резервуар с водой. Всё сделал, чтобы ей было удобно... И самое главное... Он так далеко... В тьме тараканьей... Никто и никогда нас здесь не потревожит... И не отследит... Потому что по дороге я сменил четыре тачки... В лесу... Все угнанные без номеров...

– За каждый день моего мучения ты будешь платить мне пальцем в своей заднице, Демьянова, за каждый грёбаный день, что я провёл на ледяном полу, представляя ваши безумные соития с этим ебаным додиком...

Склад находится так глубоко, что её не услышит даже сам Бог, если он существует. Твоя гнилая улыбка после отказа выела мой мозг напрочь и ничего не осталось, кроме пепла, что разлетался вокруг, напоминая о том, насколько убога моя жизнь, насколько сожжена дотла. Тобой. Твоими маленькими, склизкими ручонками, что въелись в моё личностное «я». И хоть в чём-то мой отец был прав, от таких как ты стоило держаться подальше. Все женщины, которых я знал, втыкали мне нож прямо в спину и проворачивали его на триста шестьдесят, оставляя внутри беспросветную дыру.

Эта сучка Ильинична, которая постоянно мучила меня тупыми, вопиющими вопросами о моём состоянии, отчего ноющая боль блокировалась и пропускала вперёд только ненависть к ней. Фальшивая, размусоленная улыбка в совокуп-

ности с блондинистыми волосами всегда вызывала отвращение, омерзение, повышенное чувство брезгливости.

– Ильдар, ты можешь всё мне рассказать..., – доносился надменный голос, отрезая последнюю мою веру в людей. Психологи – кукловоды. Напейся и выпрыгни с десятого этажа, вот, что спасёт тебя в моём случае.

– Я слышала, ты пригласил ту девочку на танцы... Твой отец сказал... Не хочешь поговорить об этом?

О, да, я хочу, хочу поговорить о том, как мечтал просунуть ей пальцы между ног и заставить выть на четвереньках. Но ты ведь не о том хотела поговорить, дрянь...

– Я не готов это обсуждать, – коротко и сухо, почти как в трусах у монашек.

– Я очень огорчена, что мы так и не сдвинулись с мёртвой точки, Ильдар, – тон звучал как жидкое дерьмо, что льют мне на уши.

Я думал, что если бы мы сдвинулись, она бы уже сдохла. Я бы никогда не позволил ей по-настоящему оказаться в моей голове... И узнать, что происходило в моей семье... В моём детстве... Это большой секрет... Даже для меня самого...

Я помню эти сеансы, как сейчас.

Помню всё, что происходило тогда. Словно пересматриваю в себе эту фрустрацию вновь и вновь, как то, что не смог воплотить в реальность. Все они хотели одного – переделать меня как по щелчку пальца, но ничего не выйдет, когда у тебя самого кривые руки.

Я помню отблеск черничных глаз, что говорили мне о том, что они мои. Я не знаю, как...

Но когда Катя стояла в кафе и смотрела на меня. Я всё это чувствовал... Зачем флиртовала? Зачем улыбалась глазами... Зачем позвала в кино, зачем целовала? Зачем вела себя так, если в итоге спустя сраный месяц как последняя дешёвка запускала свои пальцы в его сальные волосы. И каждый раз, когда я думал об этом, меня нервно трясло в конвульсиях. Интересно, он знает, что такое боль? Что значит каждый день просыпаться с трещащей башкой, колом в рёбрах и пылью в сознании... Что значит быть асоциальным, как они это называют. Социопатом, мизантропом, псих. больным. Я готов быть кем угодно для тебя, Кать, лишь бы только почувствовать, что тебе также больно, как и мне.

Звук её сердцебиения отрезвляет, я ведь не хочу, чтобы она умирала. Не сейчас. Не здесь. Шёлковая ткань, что облепила её тело, ещё сильнее пробуждает мою фантазию, хоть я уже и видел её голой. Как это работает, чёрт возьми? Дурь в моей голове и мёртвые бабочки в твоём животе, – то, что сближает нас, как разнополюсные магниты.

Слыша её ворочания и звук поддона собачьей выставочной клетки, внутри меня всё начинает расцветать. Связанные руки и ноги, затянутые тугими, кандалными узлами, но свободный рот для предвкушаемого разговора и не только... Инструменты, что отливают приятным теплом в пояснице. И её торчащие соски. Это, блядь, лучшее зрелище из тех, что

я видел.

Её косы слегка растрепались от длительной транспорти. Надо бы переплести их заново. Я сотворил из неё куклу... Которую всегда хотел.

И снова залипаю на её вид. Полуголые бёдра, красивые икры, фарфоровая кожа, на которой так прекрасно будут смотреться багряные следы, я хочу оставлять на ней укусы, хочу, чтобы она выстанывала моё имя, прогибаясь и скуля. Я уже слышу этот чёртов вой в своих ушах и мольбу, чтобы я остановился.

Я бы выгрыз печень каждому, кто на неё посмотрел...

Это недоумение в глазах. Я видел её через несколько столов, но так близко уже давно нет...

И нужно приступать.

Тик-так, тик-так. Часики тикают...

— Кто-то открыл свои глазки... Что ж, наше свидание только начинается...

Глава 4.

Ильдар Вознесенский

Годом ранее

Я уже отвык от болезненных уколов, но начал получать их вновь. Отец всё время на работе, ставит мне условия по посещению психолога, и я пытаюсь выполнять их так, как могу. Мне не нравится там. Она всё время расспрашивает про мою мать, а я помню лишь то, что её не стало, когда мне было шесть.

Её кабинет выглядит, как и всё остальное, таким, словно его создали назло мне.

Комфортабельным, уютным и до скрежета зубов душным. Абсолютно ненастоящим.

Мне кажется, словно я бы с большим интересом стал слушать взмыленного алкаша в каком-нибудь пабе, рассуждающего о жизни, нежели эту тупоголовую, жертвенную самку.

Агрессия порой становится сильной. То ли это диссоциативное расстройство, то ли шизофрения, а может просто посттравматическое стрессовое расстройство. Мне не говорят, они ведь доморощенные самоучки.

Кретины, которые листают книжки и тычут пальцем в небо.

Мир разделился на чёрное и белое.

Я дрался, ненавидел и черствел.

И, мне кажется, где-то напоминал отцу себя самого.

Он вновь взбесился, когда я избил одного паренька до полусмерти...

Меня всё спрашивали, зачем я сделал это.

А я даже не знал причины этому.

Просто в какой-то момент понесло... Кажется, мне не нравилось, что он щёлкал пальцами, но я сейчас уже и не вспомню...

Было понятно, что что-то со мной не так.

Но он всё равно направил меня в реабилитационный центр для трудных подростков.

Поэтому, натянув милую улыбку и скрещивая пальцы, нужно было делать вид, что тебя хорошенько исправили, наделив чертами священников и богодеятелей.

Вычерпнув себя из собственного мира спеси и придури.

Вернувшись оттуда, я вновь продолжил сеансы у Ильиничны, только вот со мной что-то стало происходить.

Что-то, чего я не понимал.

Сначала я стал просыпаться посреди ночи где-то, забывать нюансы собственной жизни.

И всё стало блеклым и ничтожным в сравнении с тем, что было в моих мыслях... Я будто жил собственными фантазиями.

И именно в этот момент в моей жизни появилась она.

Сначала, мне было интересно, что за жалкое чувство внутри меня, что ничтожно привлекает меня стать нормальным.

Но, чёрт...

Когда я понял... Меня как обухом топора огрело...

Больная, проедающая голову вспышка...

Я начал чувствовать, что что-то не так ещё в первый день в универе...

Что-то саднило моё нутро.

Эта темноволосая бестия, что привлекала мой взор, как грязь на белом воротнике. Я не мог выбросить её из своих мыслей.

И это заставляло меня чувствовать себя ещё более ебанутым.

Я ничего не мог держать под контролем.

Только я пытался ухватиться за образ, которому хотел соответствовать, как тут же появлялась она и всё переворачивала с ног на голову.

Она могла что-то спросить невзначай, а я всё бросал впопыхах, лишь бы только услышать этот гадкий, писклявый голос.

Она писала в общем чате, и я сканировал его весь последующий день, лишь бы ещё хоть что-то увидеть и узнать о ней...

А потом сама позвала в кино... Сама, блин, поцеловала... И от этого поцелуя меня окончательно вынесло... Я думал, что взаимно... Думал, что так же сильно... Но она после этого вела себя так, будто мы никто друг другу...

Игнорировала меня, плевала в душу, а я всё продолжал

таскаться за ней, как идиот.

Но самое отвратительное, это то, что я видел потом, как он смотрит на неё.

Как он всегда пытается коснуться её, общаться с ней.

Окутывает меня своим ебучим, высокомерным, спесивым взглядом.

Какое чёртово самообладание приходилось воспитывать в себе, чтобы не трахнуть её прямо в универе, растянуть её на преподавательском столе, несмотря на её вопли и скулёж подо мной. Я уверен, она была бы в восторге от этого.

Но я мог лишь нежно и робко провести пальцем по её мягкой коже, когда передавал её стакан кофе или одарить её влюблённым, почти блаженным взглядом...

Иначе это был бы уже не я.

Не тот я, которого она знала.

Фальшивый, неискренний лицемер.

Нужно было всё-таки её трахнуть...

Глава 5.

Ильдар Вознесенский

Её сучьи глаза блестят, я готов поклясться, они блестят, как лезвие гильотины. И смотрят на меня с огромной нотой осуждения, параллельно рассматривая ту жалкую тряпку, что на ней надета. Да, Катюш, я специально выбрал это для тебя. Никаких кружев, никаких бантов, просто чёрный шёлк, что так подчёркивает твоё возбужденное тело. И это выглядит грязнее всего, что можно придумать...

Ручки, связанные за поясницей, пытаются выбраться, передвигая худые плечи, ноги сжаты из-за тугого узла, отчего движения выглядят неестественно сдавленно.

Хрен ты выберешься из моей трясины, ты уже по уши во мне утонула.

Я злюсь на неё так сильно... Что не могу представить хорошего исхода этой ситуации...

Но, если отвлечься. На одну сраную минуту. То...

Я хочу чувствовать её мокрое бельё на себе. Сука, о чём я только думаю. Один её взгляд заставляет меня нервно сглатывать слюни.

Но шлюха молчит, рассматривая меня.

Я тоже скучал, моя барби.

В ушах звенит от этого напряжения между нами.

Ты запустила в меня свои паучьи лапы, и мне уже не вы-

нуть их без потерь.

– Что происходит, Ильдар... Где мы? – спрашивает максимально сдержанно... Но я знаю... Так в голове совсем другие слова... Она опять притворяется.

Зато я ощущаю прилив эндорфинов от её голоса.

– Ильдар, – вторит она, пожирая меня глазами. Это осуждение, я уже видел его когда-то. Её взгляд подобен надгробной плите, такой же тяжёлый и холодный, но так привлекает меня к себе.

Ведь меня всегда тянуло на кладбища. Там я часами болтал с могилой матери.

Я даже не начинаю свой монолог, вынуждая её нервничать ещё сильнее.

Её развратный вид заставляет демонов в моей голове плясать.

Тишина создаёт в воздухе приятное облако страха.

Как бы я хотел погрузить её грудь в свой рот, облизать её набухшие от возбуждения соски, протолкнуть свой член в её влажную, глубокую глотку, скользя по её губам, заставляя её сглатывать и задыхаться... Фууууф.

Выдохни, друг. Всё это будет, но слегка позже.

– Я вынужден сказать, что мне дико повезло иметь такую компанию, – лстиво выдыхаю я, улыбаясь широкой улыбкой, и она, наконец, задаёт долгожданный вопрос.

– Что мы здесь делаем? Ты что... Сбежал из психушки? Ты понимаешь, что тебя посадят за это, – уверенно и грубо

звучат эти слова, и в моей душе что-то щёлкает. Сучка.

Наверняка, она только этого и ждала. Каждый день ходила ко мне на работу, вертела своей задницей передо мной. Завлекала, как делает Венераина мухоловка.

Отродье Сатаны, Катерина, вот ты кто.

– Поэтому ты как конченная шлюха сразу легла под него? – продолжаю я продавливать её естество.

Её взгляд сосредоточен и безэмоционален. Словно её вообще не задевают эти слова.

Поверить не могу. Эта гадина даже не отрицает этого.

И как я мог повестись на этот грёбанный спектакль с её этими наигранными взглядами. Кажется, чокнутой стерве совершенно всё равно с кем быть. Ну что ж, ладно...

Я провожу пальцами по её клетке и тянусь к замку, отчего она тут же забивается в дальний угол, потому что чувствует своё уязвимое положение.

– Ну что же ты испугалась, Кать, вылезай, покажи нам себя, – говорю я жутким голосом, даже для самого себя.

Конечно, она противится, агрессивно одёргивая мои попытки притянуть её взгляд к себе, но так даже интереснее.

И я без промедления, грубо хватаю её за волосы, как миллионы раз представлял это в самых сладких снах.

Выставив перед собой её скулы и шею, силой запрокинув её голову назад, я вдыхаю этот запах отвращения ко мне, и оно пахнет, как вишнёвый, сука, торт!

Её соски выпирают так, что я непроизвольно смотрю на

них как замороженный, пока продолжаю удерживать её перед собой.

– Ты пожалеешь, что родилась на этот свет, – шепчу я ей на ухо, и пока делаю это, сучка со всей силы вгрызается мне прямо в мочку.

Ебанутая. Какая же ты ебанутая, блядь. И полностью, сука, моя.

Злость поглощает меня, и я силой выдёргиваю её из клетки и тащу прямо на голые пружины старой одноярусной ледяной кровати. Никаких, сука, матрасов. И я искренне надеюсь, что пружины будут втыкаться в её колени и спину, пока я буду драть её на ней.

– Дешёвая подстилка, – мой голос хрипит, и я вытираю кровь со своего уха. Замечая, как она пялится на мои руки. Какая же пошлая дрянь.

Смотрит так, словно хочет прямо здесь и сейчас.

– Ты – гребанный психопат! – выпаливает она, раздувая ноздри. Даже сейчас огрызается... Нет молить о пощаде...

– Знаешь, мне немного наскучило, – говорю я, притягивая её к себе силой и направляю подушечку большого пальца к ней между ног.

Они сжаты так, что она могла бы оторвать ими мой палец.

– Ты же знаешь, что я могу сделать так, что тебе будет больно, в твоих интересах расслабиться, пока я добрый, – говорю я сдавленным голосом, щипая её оголенные бёдра и проталкивая руку вглубь насильно.

Мы с ней оба видим, как её выдаёт её же грудь, как безапелляционно торчат её соски. Но она молчит в ощущении своей никчемности, пытаюсь не смотреть на это.

– Чем чаще ты будешь отворачивать свои глаза, тем больше я буду тебе делать, – говорю я, и с силой сжимаю её щеки своими пальцами, и мне кажется, что я мог бы сломать ей челюсть одним своим движением.

– Убери. Свои. Мерзкие. Руки, – говорит она голосом убийцы. Я готов поклясться, от неё пахнет похотью. Безумной, умалишённой похотью.

– Даже мои слова заставляют тебя течь, да, Кать? – говорю я ей очень тихо на ухо, и чувствую пальцем уголок влажной, горячей ткани аккуратно посередине её ног. Она держится безумно хладнокровно, выдержанно, но я вижу дьявола, что поджигает фитили в её глазах.

Чистое пламя, огонь, я уже представляю какая она горячая и тугая внутри. Всё пульсирует и изнемогает от одной только мысли об этом...

Какая же она охуенно красивая. Моя рука ласкает её, и я чувствую еле ощутимые толчки её бёдер. Что, блядь, с нами происходит...?

Член встал настолько, что готов просверлить дыру в моих штанах.

– Я приготовил для тебя столько всего, для нас, – говорю я, грубо сдавливая её сосок через нежную ткань её сорочки. И с её шлюшских губ в момент срывается жалобный стон, что

ТОПИТ МЕНЯ В ЭТОМ ОЩУЩЕНИИ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.